

Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке

Арсен Нажмудинович Маремкулов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия,
arsenmaremckulov@yandex.ru

Аннотация. Временные изъятия в российском законодательстве, применявшиеся на Северном Кавказе, представляют собой сложный и малоизученный феномен, отражающий многовековую историю взаимодействия российской централизованной власти с многочисленными и самобытными народами региона.

В данной статье, которая посвящена временным изъятиям, рассматриваются не только формальные аспекты имперского законодательства, но и глубокие социальные, культурные и политические процессы, которые демонстрировали процесс адаптации обычного права народов Северного Кавказа в российскую правовую систему.

Исторически, освоение Северного Кавказа сопровождалось значительным сопротивлением местного населения. Веками существовавшее обычное право, основанное на сложных родственных связях, адатах, религиозных убеждениях и представлений о справедливости, довольно резко контрастировали с централизованной и кодифицированной российской правовой системой.

Необходимо признать, что российское самодержавие в различные периоды с различной степенью эффективности, прибегала к компромиссу, используя временные изъятия из имперского законодательства. Эти изъятия позволяли применять некоторые нормы обычного права, при условии, что они органично укладывались и соответствовали российскому законодательству. Важно отметить, что условия применения были достаточно расплывчаты и во многом зависели от политической конъюнктуры.

Практика применения временных изъятий была не однородной. В зависимости от региона, этнической группы, одни временные изъятия носили формальный характер, другие же играли существенную роль в регулировании общественных отношений.

Современная ситуация на Северном Кавказе демонстрирует, что проблемы интеграции обычного права и действующего законодательства по-прежнему остаются актуальными. В связи с этим дальнейшее исследование временных изъятий имеет не только историческое значение, но и крайне важно для построения эффективной правовой системы на Северном Кавказе, которая бы учитывала специфику региона, с учетом многообразия культур и традиций.

Ключевые слова: временные изъятия, обычай, обычное право, российское законодательство, плюрализм

Для цитирования: Маремкулов А. Н. Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 18–23. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23>. EDN YNWKVI

Temporary exemptions as a mechanism for integrating customary law into Russian legislation in the 19th century

Arsen N. Maremkulov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Abstract. Temporary exemptions in Russian legislation applied in the North Caucasus are a complex and little-studied phenomenon reflecting the centuries-old history of interaction between the Russian centralized government and the numerous and distinctive peoples of the region. This article, which is devoted to temporary exemptions, examines not only the formal aspects of imperial legislation, but also the deep social, cultural and political processes that demonstrated the process of adapting the customary law of the peoples of the North Caucasus into the Russian legal system. Historically, the development of the North Caucasus was accompanied by significant resistance from the local population. For centuries, the existing customary law, based on complex family ties, beliefs, religious beliefs and ideas of justice, contrasted quite sharply with the centralized and codified Russian legal system.

It must be recognized that the Russian autocracy in various periods, with varying degrees of effectiveness, resorted to compromise, using temporary exemptions from imperial legislation. These exemptions allowed for the application of certain norms of customary law, provided that they were organically consistent and consistent with Russian legislation. It is important to note that the conditions of application were quite vague and largely depended on the political situation. The practice of applying temporary exemptions was not uniform. Depending on the region and ethnic group, some temporary exemptions were formal in nature, while others played a significant role in regulating public relations.

The current situation in the North Caucasus demonstrates that the problems of integrating customary law and current legislation remain relevant. In this regard, further research on temporary exemptions is not only of historical importance, but also extremely important for building an effective legal system in the North Caucasus that would take into account the specifics of the region, taking into account the diversity of cultures and traditions.

Keywords: temporary exemptions, custom, customary law, Russian legislation, pluralism

For citation: Maremkulov A. N. Temporary exemptions as a mechanism for integrating customary law into Russian legislation in the 19th century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):18–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23>. EDN YNWKVI

Введение

Обычное право сыграло существенную роль в формировании правовой системы на Северном Кавказе в XIX веке. В обозначенный период произошли этнические, социальные и политическими изменения в ходе которых российские власти начали активно интегрировать обычное право в свою правовую систему. Политика Российского государства, направленная на расширение влияния, столкнулась с традиционными институтами, основанными на обычном праве. Это столкновение: «в конце концов, заставило имперскую администрацию на Кавказе приступить к систематическому изучению обычного права народов Кавказа и мусульманского права, без использования которых водворить порядок даже на завоеванных территориях оказалось невозможно» [1, с. 31].

Взаимодействие обычного права и российского законодательства на Северном Кавказе в рассматриваемый период было сложным и изменчивым. Соотношение между обычным правом и российским законодательством часто зависело от конкретных обстоятельств и от силы российской администрации в данном регионе. Там, где российская администрация была сильной, российские законы применялись более последовательно, а обычное право отступало на второй план, там же,

где самодержавная власть продолжала утверждаться, обычное право продолжало играть приоритетную роль в регулировании жизни местного населения. Это взаимодействие в принципе вылилось в формирование «серьезной разработкой юридических механизмов, посредством которых реально проявлялась и проводилась в жизнь политика российского самодержавия» [2, с. 5]. Одним из таких механизмов по праву можно считать адаптацию правовых систем путем закрепления временных изъятий.

Актуальность темы адаптации правовых систем на Северном Кавказе в XIX веке, имеет важное значение и обусловлена в первую очередь сложностью этнической и культурной мозаики региона. По мнению Шатковской Т.В.: «Присоединение Северного Кавказа к России и распространение системы управления на данный регион является длительным политико-правовым процессом, отдельные этапы которого обладают значительной спецификой» [3, с. 215]. Самодержавная власть стремилась установить контроль над народами, населяющими регион, что неизбежно отражалось на традиционных формах местного управления. Подобная ситуация заставляла самодержавную власть разрабатывать механизмы, которые бы способствовали плавному введению законодательства, с учетом местных традиций и обычаев горских народов.

Анализ законодательства

Анализ актов органов российского самодержавия свидетельствует о применении временных изъятий, как механизма адаптации местного населения российскому законодательству. Подобный механизм закрепления позволял осуществлять правовое регулирование с учетом традиций и обычаев местного населения Северного Кавказа.

Ярким примером использования механизма временных изъятий может служить Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. «О суждении Горских жителей за кражу» от 8 апреля 1831 г. Принятие данного акта было инициировано представителями самодержавной власти на местах, а именно Главноуправляющего в Грузии Генерала Ермолова, который обратился в Государственный совет с представлением о необходимости утверждения особенных правил по производству суда и расправы над горцами и другими народами Закавказского края. Как свидетельствует преамбула акта, это предложение поддержал Генерал-Фельдмаршал Граф Паскевич-Эриванский.

Согласившись с представленными доводами Государственный совет закрепил, что: «Как общие законы о преступлениях не могут быть в полной мере приложены ко всем вообще народам, обитающим в Закавказском крае, то для некоторых нравов, обычаев и степени образования, постановляется в статьях нижеследующих, особый порядок суда и расправы в преступлениях и проступках»¹.

Законодатель установил срок в 6 лет для действия данного порядка, обозначив при этом: «что он может быть в последствии изменён и более сближен с общими законами, по мере как успехи образования сих народов представлять будут к тому возможность и средства».

В акте детально были прописаны вопросы о порядке суда и расправы при совершении проступков. Условно их можно разделить на три части. В основу всех трех частей был положен ценовой ценз.

Простыми проступками признавались мошенничество и кража, пьянство, своеволие, непослушание, нарушение благочиния ценою ниже пяти рублей серебром. Перечень простых проступков не был исчерпывающим поскольку пункт первый раздела был дополнен словами «и тому подобное». На наш взгляд, это свидетельствовало о многообразии проступков, которые законодатель не мог четко определить и предлагал это оставить на усмотрение должностных лиц на местах с учетом обычаев и традиций. Суд и расправа по данному виду проступков принадлежал «сельским Начальникам», которые по исполнению приговоров, должны были «о всяком происшествии доводить до сведения Главных Приставов или Управляющих тем народами».

Следующая часть была посвящена маловажным преступлениям, под которыми понимались кража, воровство и мошенничество, учиненные в первый и второй раз, ценою выше пяти и ниже ста рублей серебром в каждый раз. Приговоры о наказании и взыскании, прежде чем должны были быть исполнены вносились на рассмотрение Грузинского Гражданского Губернатора, а в провинциях, Военно-Окружных Начальников, которые в свою очередь обязаны рассмотреть и решить дело в течение четырёх дней.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1831. Т. 6. № 4488.

Не вдаваясь в нюансы рассмотрения дел по данной категории преступлений, обратим внимание на пункт 22, где закреплялось, что порядок следствия и наказания по данным преступлениям относился к сельским жителям. Городские жители должны были «судиться порядком, для них установленным». Учитывая смысл принимаемого акта, смеем предположить, что это было сделано с учетом того, что в сельских поселениях, как нигде в другом месте, были сильны позиции обычного права. Эту же ситуацию можно проследить и дальше. Так, к примеру, это можно увидеть и в «Положении о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных Дагестанской области»¹.

Третья часть акта была посвящена тяжким преступлениям. К ним законодатель относил: «1) Кража, воровство и мошенничество, учиненные в третий раз от пяти до ста рублей серебром; 2) те же преступления, в первый раз учиненные, по выше ста рублей серебром; 3) Грабёж, убийство и все те преступления, за кои в законных положено наказание равное грабежу и убийству»². Виновные в тяжких преступлениях судили уже на основании общих законов.

На наш взгляд, этот акт является красноречивым с точки зрения именно подхода к уголовным и административным нарушениям. Помимо закрепления временных изъятий можно увидеть триединую систему, где при «простых проступках» законодатель, в большинстве своем, отдавал предпочтение обычному праву как основе судопроизводства, с вкраплением российского законодательства. При рассмотрении дел по маловажным преступлениям виден был приоритет российских законов, а при тяжких преступлениях виновный нес наказание исключительно по уголовным законам Российской империи.

Изъятие можно встретить и при применении наказания. Так, к примеру, 20 Февраля 1850 года было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета (опубликовано 14 марта 1850 г.) «О даровании некоторых прав Магометанскому духовенству». Здесь изъятие касалось статьи 15 Устава Рекрутского (Свода Зак. Т. 4). Данная статья была дополнена следующим постановлением: «Правом **личного изъятия** (выделено нами – А.М.) от рекрутского пользуются лица, занимающие должности духовные Магометанского исповедания: 1) Ведомство Таврического Духовного Правления, на основании существующих уже о них постановлений, и 2) ведомство Оренбургского Духовного Собрания, сверхвысших духовных лиц: Муфтия и Ахунов, те из Хатыпов (Мулл) и Имамов, которые, впредь до приведения Магометанского духовенства в штатное положение, утверждены уже или будут впоследствии утверждены Губернскими Правлениями, или Военными Губернаторами, и действительно в городах и селениях служат обществу своему исполнителями обрядов их веры»³.

С этим же основанием для изъятия была предложена новая редакция статьи 19 Приложения к Уложению о Наказаниях, согласно которой, те же лица «от наказания телесных изъемаются»⁴.

Полное собрание законов Российской империи сохранило для нас и акты, касаемые управления Кавказом посредством закрепления своего рода «плавающих изъятий». Суть подобных изъятий заключалась не в изъятии нормы закона с заменой на новую норму, а изъятие с учетом другой нормы, и, как правило, с мнением должностного лица. К примеру, 22 Мая 1905 года было Высочайше утверждено Положение о Заведывающем полицией на Кавказе. Интерес здесь представляет пункт 8, где законодатель закреплял, что: «Назначение, увольнение, перемещение и награждение всех чинов местных Жандармских Управлений в пределах Кавказского края производится по представлениями Заведывающего полицией на Кавказе в общем порядке, но с теми изъятиями, кои будут установлены Положением о Наместнике Кавказском»⁵.

Определенный пласт актов управления Кавказом приходится на вопросы экономического характера, а именно торговли, таможенные, карантинные вопросы. Среди них выделим Высочайше утверждённые Правила для таможенного надзора по Кавказской линии, 13 марта (опубликованная 6 апреля) 1835 года. Основанием для утверждения данных правил было представление министерства

¹ Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных Дагестанской области // ЦГА РД, ф.126, оп. 2, д. 15.

² ПСЗРИ 1831. Т. 6. № 4488.

³ ПСЗРИ. 1850. Т. 25. № 23932.

⁴ ПСЗРИ. 1850. Т. 25. № 23932.

⁵ ПСЗРИ. 1905. Т. 25. Часть 1. № 23932.

финансов, которое Именным указом данным Сенату «признано было нужным определить особыми правилами порядка таможенного надзора по Кавказской линии».

Согласно 3 пункта торговые сношения с черкесами, абазинцами и другими горскими народами в Черноморских портах и на Бугаз было предложено оставить «впредь до усмотрения, в настоящем положении, воспретив однако же вывоз к ним как по Черному морю, так и сухим путем тех самых предметов, которые упомянутыми правилами запрещается отпускать к горцам по Кавказской линии....»¹. С точки зрения способа изъятия с предоставлением особых полномочий, можно выделить примечания в пункте 3 главы 1 правил, согласно которым: «Если встретятся вопросы, требующие общего разрешения, то Начальник Кавказской области, по донесению означенного чиновника, представляет Главноуправляющему Грузии, а сей по оным сносится с Министром Финансов, коему предоставляется разрешать таковые вопросы и делать, по соглашению с Главноуправляющим, нужные пояснения и дополнения, поскольку сие не будет противно настоящим правилам»².

Закрепление изъятия с пространным общим исключением можно наблюдать в пункте 10 правил, где фиксировалось, что допускается изъятие для военных и гражданских чиновников, которым дозволяется пропускать все вещи, для собственного их употребления, если они представят свидетельство от местного начальства, что вещи те приведены были в Закавказию из России. Однако: «если бы замечено было, что сие изъятие служит к водворению в Россию запрещённых товаров в важных количествах, то Министр Финансов, вместе с главным местным начальством, обзывается принять надлежащее к отвращению сего меры»³.

Такое же ограничение можно наблюдать в вопросе провоза товаров, из России в Закавказский край и горским народам. Здесь в третьем разделе в пункте 13 законодатель прямо закреплял, что «привозимые из России товары и вещи как собственно Российские, так и иностранные, пошлиною в Российских Таможнях очищенные, пропускаются чрез Кавказскую линию свободно и беспошлинно, по поверхностном досмотре, с изъятиями однако, в следующих изложенными, и с тем ограничением, чтобы товары и вещи, к вывозу дозволяется, задерживаемы были в таком токмо случае, когда будут в виду явные доказательства о тайном их водворения в Россию»⁴.

Надо признать, что несмотря на позитивный фон, который создавала самодержавная власть путем введения временных изъятий меры адаптации не всегда имели положительный эффект.

На наш взгляд, это было вызвано двумя обстоятельствами: низкая правовая грамотность с точки зрения знания и понимания российского законодательства и серьезное сопротивление местных владельцев новой правовой системе, в которой они видели серьезную угрозу своей власти над населением.

Непонимание и не знание языка служило существенным барьером к применению российских правовых актов. Как правило, российское законодательство было представлено на русском языке, что ограничивало понимание норм права для большинства местного населения. Специалистов, которые могли бы доносить до местного населения суть российских законов, было недостаточно. Отсюда и выстраивалось отношение населения к российскому законодательству как к чуждому иностранному телу, особенно на фоне обычного права носившее неформальный (устный) характер. Подобная ситуация зачастую приводила к неправильному толкованию законов, что в итоге приводило к ошибочному применению, а также к непонятным (и по мнению местного населения несправедливым) решениям судов.

Что касается сопротивления местной элиты новой правовой системе, то здесь налицо был факт того что они столкнулись новыми правовыми реалиями, которые резко понижали их социальный и экономический статус. Создаваемая система управления предусматривала переход большей части властных полномочий представителям российского самодержавия на местах, что безусловно подрывало авторитет местных элит. В целом можно сказать, что процесс сопротивления местных владельцев российскому законодательству был многогранным, который отражал как особенности проводимой политики, так и социальную напряженность в традиционных обществах.

¹ ПСЗРИ. 1835. Т.10. № 7951.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ПСЗРИ. 1835. Т.10. № 7951.

Заключение

Подводя краткий итог, можно отметить, что российское самодержавие признавало необходимость применения местных традиций и обычаев, чтобы избежать сопротивления со стороны местного населения. Обычное право было неотъемлемой частью местных традиций, и его использование позволяло российским властям управлять и предотвращать конфликты. Обозначенные способы закрепления временных изъятий позволяли российскому самодержавию настолько это было возможным эффективно использовать обычное право на Северном Кавказе. Вместе с тем, самодержавная власть накладывала некоторые ограничения на использование обычного права, чтобы обеспечить соответствие его российским законам и достижению своих стратегических целей в регионе.

Список источников

1. Шапсугов Д. Ю. Проблема органичности государственно-правового развития в истории государства и права народов Кавказа / Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы международной практической конференции. Ростов на Дону, 2012.
2. Маремкулов А. Н. Юридические формы политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект: Диссертация ... доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2005. 405 с.
3. Шатковская Т. В. Имперская модель осуществления государственной власти России на Северном Кавказе: Этапы становления и особенности реализации / Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону, 2018. С. 214–221.

References

1. Shapsugov D. Yu. The problem of the organicity of state and legal development in the history of the state and the law of the peoples of the Caucasus. In: *The state and the law of the peoples of the Caucasus: problems of formation and development. Materials of the international practical conference*. Rostov on Don; 2012. (In Russ.)
2. Maremkulov A. N. *Legal forms of the policy of the Russian state in the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries: historical and legal aspect: Dissertation... Doctor of Law*. Rostov-on-Don; 2005. 405 p. (In Russ.)
3. Shatkovskaya T. V. The imperial model of the exercise of Russian state power in the North Caucasus: Stages of formation and features of implementation. In: *Empire, monarchy, republic, confederation as a form of exercise of power in the Caucasus. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Ed. and comp. D. Yu. Shapsugov. Rostov-on-Don; 2018:214–221. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Маремкулов – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

Information about the author

A. N. Maremkulov – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.